УДК 8Р1

В.П. Трыков

ПУШКИН В КНИГЕ ЭЖЕНА-МЕЛЬХИОРА ДЕ ВОГЮЭ «РУССКИЙ РОМАН»

В статье рассматривается проблема рецепции творчества А.С. Пушкина французским литератором Э.-М. де Вогюэ, книга которого «Русский роман» никогда полностью не была переведена на русский язык, показано влияние неомистицизма Вогюэ и его концепции реализма на интерпретацию фигуры великого русского поэта.

«католическое возрождение», позитивизм, русский реалистический роман, христианство, романтическая религиозность.

Внимание французской критики к фигуре А.С. Пушкина в большей или меньшей степени было привлечено на протяжении всего XIX столетия [1]. В конце века в условиях растущего интереса к России и русской культуре во Франции свой взгляд на место Пушкина в русской литературе предложил французский дипломат и писатель Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848−1910). Он прожил в России шесть лет (с 1876 по 1882 год), изучил русский язык. Эти обстоятельства позволяют сделать вывод, что Вогюэ был знатоком русской литературы. Широкую литературную известность Вогюэ принесла его книга «Русский роман» (1886), имевшая большой резонанс и сыгравшая заметную роль в импорте русского романа во Францию [2]. Как следует из названия книги, основное внимание в ней сосредоточено на творчестве русских романистов (Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского). Пушкину отведено немного места. Из шести глав книги ему посвящена вторая глава «Романтизм. Пушкин и поэзия». Вогюэ дает краткий биографический очерк о поэте, несколькими штрихами рисует эпоху, в которую жил Пушкин, рассказывает о его литературных пристрастиях, признает огромный поэтический талант поэта, отмечает не только его удивительную отзывчивость к впечатлениям бытия, но и «совершенную уравновешенность» («équilibre parfait») пушкинского дара, запечатлевшуюся в гармоничности и формальном совершенстве произведений поэта. «Очарование Пушкина заключается в свойственной ему изумительной полноте жизни…» [3]. Заслугу Пушкина

---

[1] См. подробнее: Алексеев М.П. Пушкин на Западе // Пушкинский Временник. М. ; Л., 1937. Вып. 3 ; Трыков В.П. Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение : науч. журнал Моск. гуманитар. ун-та. 2008. № 1. С. 183–190 ; Jousserandot L. Pouchkine en France // Monde slave. 1918. N 7. P. 34−56 ; N 12. P. 859−909.

[2] См. подробнее: Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М. : Новое издательство, 2005. С. 109−116. В России книга Вогюэ была издана в сокращенном виде всего один раз (Вогюэ Э.М. де. Современные русские писатели: Толстой. − Тургенев. − Достоевский. – М. : Изд. В.Н. Маракуев, 1887. 73 с.).

[3] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. : Plon, 1886. P. 43.

перед русской культурой Вогюэ видит в том, что он «более, чем кто-либо из русских писателей, пробудил умственную жизнь в России» [4].

Вогюэ был знаком со статьями В.Г. Белинского о Пушкине, о чем свидетельствуют цитаты, которые он приводит в «Русском романе» [5]. Более того, Вогюэ считал Белинского «единственным критиком, достойным этого титула в своей стране» [6]. Представляется, что в некоторых своих суждениях о Пушкине Вогюэ идет за Белинским. В сущности, вслед за Белинским, считавшим Пушкина первым «поэтом-художником Руси», давшим «ей поэзию как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства» [7], Вогюэ видит в Пушкине прежде всего «свободного поэта» («le poëte à l'état libre»), чья трепещущая лира чутко отзывается на впечатления бытия [8].

Однако есть три момента, в которых Вогюэ расходится с Белинским. Вогюэ отказывает Пушкину в принадлежности к реализму, не считает его национальным поэтом и проходит мимо знаменитой формулы Белинского о «лелеющей душу гуманности» как свойстве пушкинской поэзии, определившем ее «общий колорит» [9]. Попытаемся разобраться в причинах такого «тройного отрицания» у Вогюэ.

Для понимания логики Вогюэ тех критериев, которыми он руководствовался в оценке творчества Пушкина, необходимо иметь в виду, что Вогюэ был одним из тех французских писателей, кто в ситуации духовного кризиса рубежа XIX−XX веков стоял у истоков «католического возрождения» («le renouveau catholique»). Ж. Кальве в монографии «Католическое возрождение в современной литературе» (1927) характеризует Э.-М. де Вогюэ как «серьезного и вдумчивого писателя», критика современной жизни и нравов, «вдохновлявшегося самым подлинным и искренним христианским чувством» [10]. «Сфера его деятельности, − продолжает далее Ж. Кальве, − была ограниченной, но довольно сильным было его влияние» [11]. Вогюэ был убежден в том, что преодолеть кризис можно только вернувшись к христианским ценностям и в жизни, и в литературе. Одним из наиболее ярких выражений истинного христианского духа в современной ему литературе Вогюэ считал русский реалистический роман в лице Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. В русском романе он видит противоядие против французского реалистического/натуралистического романа. Вогюэ не различает понятия реализм и натурализм. Для него они – проявления одной болезни, поразившей французскую культуру, – позитивизма с его сциентизмом, скептицизмом, нигилизмом и равнодушием к человеку. «Так, позаимствовав у естественных наук их приемы скрупулезного анализа, наши писатели-реалисты, натуралисты (неважно, как их назвать) оказались перед лицом серьез-

---

[4] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. 50.
[5] Ibid. P. 66.
[6] Ibid. P. 63.
[7] Белинский В.Г. Статьи о классиках. М. : Художественная литература, 1970. С. 5.
[8] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. 42.
[9] Белинский В.Г. Статьи о классиках. С. 30.
[10] Calvet J. Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. P. : Lanore, 1927. P. 136.
[11] Ibid.

ной опасности: подчинить наши литературные привычки новым правилам, которые им противоречили», − писал Вогюэ [12].

Вогюэ противопоставил французскому реализму/натурализму русский реалистический роман, потому что, с его точки зрения, именно русскому роману удалось соединить желанный и отвечающий потребностям «нового сознания» аналитизм, понимание сложности мира и человека и умение запечатлеть эту сложность с глубоким мистическим чувством и, главное, с милосердием, человеколюбием («la charité»). Русским реалистам свойственно «милосердие более-менее активное у Тургенева и Толстого, исступленное у Достоевского, доходящее до мучительной страсти» [13]. В этом отношении, полагает автор «Русского романа», все они «остаются христианами» [14]. Здесь возникает первый из поставленных выше вопросов: о соотношении «милосердия» по Вогюэ и пушкинской «лелеющей душу гуманности».

Вогюэ понял, в том числе из статей Белинского, что пушкинская гуманность проистекает из другого источника, нежели «la charité» русских романистов. Ее природа не религиозная, а художественная, эстетическая. Этика Пушкина окрашена этим художническим началом. «…У Пушкина, − писал Белинский, − всякое чувство еще прекрасно как *чувство изящное*. Мы здесь разумеем не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда в высшей степени прекрасна; нет, каждое чувство, лежащее в основании каждого его стихотворения, изящно, грациозно и виртуозно само по себе: это не просто чувство человека, но чувство человека-художника, человека-артиста» [15].

Этот «артистизм» Пушкина, восхищавший Белинского, настораживал Вогюэ, вызывал в его сознании параллели в религиозном плане с язычеством, а в литературном − с «чистым искусством». Ни то, ни другое было неприемлемо для «неохристианина» и «неомистика» Вогюэ. Свое отрицательное отношение к «чистому искусству» Вогюэ формулирует на страницах «Русского романа» [16]. Неслучайно в его характеристиках Пушкина присутствуют античные реминисценции: то он называет русского поэта «афинянином», имеющим о всех вещах ясное представление [17], то сравнивает его стиль с греческой бронзой [18]. Для Вогюэ Пушкин слишком «язычник» и слишком «художник», мало озабоченный религиозными вопросами. «Вы не найдете у Пушкина ничего общего с этими его последователями (имеются в виду писатели-реалисты. – В.Т.): ни тени мистицизма, никакой философской обеспокоенности; боюсь, что религиозное чувство для него – всего лишь поэтические средство», – заключает автор «Русского романа» [19].

---

[12] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. XXVII.
[13] Ibid. P. XLV.
[14] Ibid.
[15] Белинский В.Г. Статьи о классиках. С. 30.
[16] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. XXIV.
[17] Ibid. P. 48.
[18] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. 49.
[19] Ibid. P. 48.

«Поверхностная», «внешняя» религиозность Пушкина сближала его с традицией романтической религиозности в духе Ф.-Р. де Шатобриана, Б. Констана, Ж. де Местра, аббата де Ламенне, которыми христианство рассматривалось в эстетическом или социальном аспектах. О поверхностном характере романтической религиозности по сравнению с религиозностью «католического возрождения» рубежа веков писал Гонзаг Трюк в своей «Истории современной католической литературы» (1961) [20]. Французский исследователь отмечал, что романтиков интересовал преимущественно культурно-эстетический аспект христианства (красота средневековых соборов, вклад христианства в развитие европейского искусства и культуры). «Одна деталь в соборе занимала романтиков менее всего − дарохранительница», − делает вывод Г. Трюк [21]. Отношение к религии и религиозное чувство писателей «католического возрождения» рубежа веков, по мысли Трюка, значительно глубже: они идут от внешнего к внутреннему, от эстетики к мистике и вере [22].

Представляется, что Пушкин не вписывался по этому «критерию религиозности» в рамки той концепции русского реализма с его христианским духом и мистической настроенностью, которую создал Вогюэ.

И, наконец, Вогюэ в отличие от Белинского, Гоголя, Достоевского не видел в Пушкине великого национального поэта, «мистического выразителя русской души» («l'évocateur mystique de l'âme russe»), отдавая здесь пальму первенства все тем же русским романистам. Вопрос о «русской душе» – центральный в «Русском романе». Вогюэ признавался, что главная его задача состояла в том, чтобы на материале русской литературы разгадать «тайну России» («le secret de la Russie») и «русской души («l'âme russe») [23]. Вогюэ считал, что Пушкин не может стать помощником в решении этой задачи. Он писал: «…главная цель моей книги обнаружить, как гений русского народа проявляется в творчестве его писателей: я не думаю, что Пушкин мог бы помочь нам существенно продвинуться в решении этой задачи» [24].

Дело в том, что Вогюэ исходит из своего убеждения, отчасти априорного, отчасти, как ему представлялось, находящего подтверждение в романах Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского, что важнейшим признаком русскости является живое мистическое чувство. В очерке русской литературы рубежа XVIII−XIX веков, в котором значительное место занял разговор о масонстве, Вогюэ пояснял: «Я так много говорю здесь о мистицизме, этом существеннейшем элементе русского духа, нашедшем свое проявление, в частности, в франкмасонстве» [25]. И далее Вогюэ продолжает свою мысль: «У Новикова и Сперанского мистицизм был смутным протестом души против негативистской философии энциклопедистов, против наступления рационализма: мы снова находим тот же протест против суровости естественных наук у наших современников – у Тол-

---

[20] Truc G. Histoire de la littérature catholique contemporaine. P. : Casterman, 1961.
[21] Ibid. P. 152.
[22] Ibid.
[23] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. X−XIII.
[24] Ibid. P. 45.
[25] Ibid. P. 30.

стого и Достоевского» [26]. Пушкин, почитатель французской литературы ненавистного Вогюэ XVIII века, испытавший значительное влияние Вольтера, о чем Вогюэ не забывает напомнить читателям, не вписывается в эту парадигму иррационализма и мистицизма, противоречит представлениям Вогюэ о «русской душе».

Вогюэ ради того, чтобы сохранить свою концепцию русского реализма и русской души, чтобы доказать «наднациональность» Пушкина, отходит от тэновской теории «расы, среды и момента», которой следует, например, говоря об особенностях французского мировосприятия: «Мы и все наши братья по расе («nos frères de race») унаследовали от наших латинских предков чувство абсолютного» [27]. О Пушкине же писатель заявляет, что тот «смотрел на жизнь своего народа извне как… художник, свободный от всякого влияния своей расы» [28].

Вогюэ готов даже признать «всемирность» пушкинского творчества, в чем великому русскому поэту отказывали многие французские критики, предшественники Вогюэ. Так, например, Шарль Бодье, автор статьи о Пушкине, опубликованной во влиятельном парижском журнале «Рёвю де де монд» в 1837 году, отказывал Пушкину во «всемирности». По мнению французского критика, Пушкин не относится к числу тех гениев, чьи творения адресованы всему человечеству. Сама природа его таланта ограничивает его рамками национальной литературы. В понимании Бодье, Пушкин – «элегический и описательный поэт, достоинства которого заключены прежде всего в форме и чье ленивое воображение не в состоянии породить одну из тех пространных эпопей, которые отбрасывают тень на все века и поколения…» [29].

Вогюэ, напротив, полагает, что «творчество Пушкина, взятое как целое, не обнаруживает никакого этнического характера. Это романтик, проникнутый духом, вдохновлявшим в то же самое время его собратьев в Германии, Англии и Франции; он выражает универсальные чувства, он переносит их на русскую почву…» [30]. Для Белинского Пушкин потому подлинно национальный поэт, что он сумел «разгадать тайну народной психеи», уловить дух народа и, описывая любую страну, эпоху, общественный слой, сферу жизни глядеть на них глазами всего народа [31]. Для Вогюэ Пушкин «представляет небольшой слой космополитической аристократии, к которой он принадлежал. <…> Случай, заставивший этого человека родиться в России, мог забросить его в любую другую страну: его творчество нисколько от этого не изменилось бы; оно осталось бы тем, чем является – простым и верным зеркалом, отражающим все человеческие чувства, облаченные в ту форму, которая была принята в образованном европейском обществе 1830-х гг.» [32].

Таким образом, «тройное отрицание», о котором говорилось в начале нашей статьи, находит объяснение. Книга Вогюэ «Русский роман» − менее всего научное исследование или учебник русской литературы. Это очерк русской литературы,

---

[26] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. 31−32.

[27] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. XXXVIII.

[28] Ibid. P. 47−48.

[29] Baudier Ch. Poètes et romanciers du Nord. Pouchkin // Revue des deux mondes. 1837, juillet-sept. 4-e sér. Liv. 11. P. 353.

[30] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. 47.

[31] Белинский В.Г. Указ. соч. С. 60.

[32] Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P. 49.

а также эссе о России, написанное в ситуации наметившегося в 1880-х годах русско-французского сближения и духовного кризиса, охватившего Францию после поражения во Франко-прусской войне. Вогюэ предлагал французскому читателю противоядие от позитивизма и его литературных манифестаций – французского реализма и натурализма. В этой ситуации было бы напрасным ждать от автора беспристрастности и точности в оценке тех или иных явлений русской литературы. Вогюэ выдвинул на первый план в русской литературе то, что представлялось ему наиболее важным и актуальным в свете отчетливо им осознаваемой необходимости преодоления общественного кризиса, который он связывал с победой рационализма, сциентизма и позитивизма, забвением христианских ценностей. Таким явлением стал русский реалистический роман. Творчество Пушкина воспринималось Вогюэ несомненно как значительный культурный феномен, не имеющий, однако, сугубой актуальности русского романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, М.П. Пушкин на Западе [Текст] // Пушкинский Временник. – М. ; Л., 1937. – Вып. 3.
2. Белинский, В.Г. Статьи о классиках [Текст]. – М. : Художественная литература, 1970.
3. Трыков, В.П. Французский Пушкин [Текст] // Знание. Понимание. Умение : науч. журнал Моск. гуманитар. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 183–190.
4. Шарль, К. Интеллектуалы во Франции [Текст]. – М. : Новое издательство, 2005.
5. Baudier, Ch. Poètes et romanciers du Nord. Pouchkin [Текст] // Revue des deux mondes. – 1837, juillet-sept. – 4-e sér. – Liv. 11. – P. 345−372.
6. Calvet, J. Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine [Текст]. – P. : Lanore, 1927.
7. Jousserandot, L. Pouchkine en France [Текст] // Monde slave. – 1918. – N 7. – P. 34−56 ; N 12. – P. 859−909.
8. Truc, G. Histoire de la littérature catholique contemporaine [Текст]. – P. : Casterman, 1961.
9. Vogüé E.-M. de. Le roman russe [Текст]. – P. : Plon, 1886.

V.P. Trykov

PUSHKIN IN EUGENE-MELCHIOR DE VOGUE'S BOOK «THE RUSSIAN NOVEL»

The article treats Vogue's perception of Pushkin's works. The French writer's book «The Russian Novel» has never been completely translated into Russian. The paper maintains that Vogue's neomysticism and his conception of realism affected his perception of Pushkin's works.

«catholic renaissance», positivism, Russian realistic novel, Christianity, romantic religiousness, Russian soul.